Аполлин медленно открыла дверь спальни Габриэль, стараясь вести себя как можно тише. Ее младшая никогда не вставала рано, и никогда не было известно, что она хорошо реагировала на то, что ее будили, если только это не было сделано очень мягко. Вот почему ее мать вернулась к своей привычке проскальзывать бесшумно, намереваясь подойти и осторожно коснуться плеча дочери, чтобы разбудить ее.

Она забыла, что Гарри спал с ней в комнате Габи, предложив ей что-то вроде сладкого подарка "Назад в школу" от остальных своих и ее подруг. Это был не тот подарок, который был бы хорошо принят семьей почти любой другой девушки, но Габи была вейлой. Ее отец понимал общие потребности, которые разделяли все вейлы, и он признал, что у ее дочери были определенные потребности, которые могли удовлетворить только Гарри и его подруги.

Это было мило со стороны других девочек, потому что, даже если им и нравились ночи, когда они были только втроем в постели, Аполлин знала, что они бы предпочли, чтобы Гарри был там с ними. Но они настояли, чтобы он приехал сюда, чтобы они с Себастьяном могли насладиться последним разом, когда они отправят ребенка в школу, а также чтобы Габриэль не пришлось проводить ночь в одиночестве. Они явно знали, как сильно ее дочери нужно было не оставаться одной прошлой ночью, что было совершенно очевидно Аполлине и Себастьяну за ужином.

С этого момента Габриэль будет становиться все более и более покорной, ее либидо будет возрастать, и Аполлин на законных основаниях понятия не имела, где они наконец поселятся. Ее и Флер не достигли своего пика, а вместо этого были выше среднего. С ее стороны, это было хорошим предзнаменованием для ее мужа, тем более что он был так добр, что она должна была сама заботиться о своих нуждах. В случае Флер теперь это было благом, которое было полностью оценено парой партнеров в Эдмунде и Аэлле, которые, будучи с ними сама, Аполлин могла с уверенностью сказать, что они подходили ей гораздо лучше, чем Уильям Уизли.

Кроме того, они с Себастьяном часто играли с другими ведьмами или самими вейлами. Она буквально должна была это сделать просто в силу своей биологии вейлы. И это было не так, как если бы он когда-либо продержался дольше, чем она. Нет, он был полностью человеком и поэтому всегда уходил таким измученным, что ему приходилось откланиваться до этого момента. Единственным полностью человеческим мужчиной, которого она знала, который не закончил бы так, был Гарри, но он был уникален во многих, многих отношениях. Как выразился ее муж, ему не на что было жаловаться, когда дело касалось ее поиска внешних источников удовольствия. Он был самым довольным человеком во всей Франции.

Она на цыпочках вошла в комнату своей дочери и не смогла удержаться, чтобы не выглянуть из-за угла, когда услышала их голоса. Аполлин была встречена видом своей дочери с ногами по обе стороны от Гарри, и сперма капала, почти вытекая из нее. Она лежала на нем сверху, и ее руки были обвиты вокруг его шеи. Ее дочь выглядела гораздо более отдохнувшей, чем Аполлин когда-либо могла припомнить, чтобы она выглядела в любое утро, не говоря уже о таком раннем утре.

Было иронично, что она могла выглядеть такой отдохнувшей после того, как ее явно трахнул член, который, как она знала, ее дочери всегда будет трудно даже полностью поместиться в ней, не говоря уже о том, чтобы ее жестко трахнули. Но она привыкнет воспринимать это так тяжело, как того хотел Гарри, и она сделает это из-за удовольствия, которое это принесет не только ей, но и ее хозяину и хозяйкам. Это, в свою очередь, принесло бы ей еще больше удовольствия другого рода, удовлетворяя ее потребность быть покорной. Черты вейлы Габриэль отличались от черт ее старшей сестры и матери, и Аполлин была рада, что нашла подходящую ситуацию, чтобы справиться с ними.

Гарри крепко держал обе ягодицы Габриэль за ягодицы, давая Аполлине еще лучший обзор между ее ног. Она чуть не захихикала при напоминании о том, насколько он был одержим задницей ее дочери, но, честно говоря, она понимала почему. Это было так, как если бы кто-то взял задницу любой из его подружек или других любовниц и прикрепил ее к телу кого-то вдвое меньшего размера, и каким-то образом сделал посадку естественной.

Если бы у Аполлин была такая же пропорционально большая задница, как у Габриэль, это выглядело бы нелепо; фактический размер был бы просто слишком большим. Но в случае Габи это было действительно идеально, созданное самой магией, что было буквально правдой, учитывая ее наследие вейлы.

“И ты будешь хорошей девочкой и не будешь беспокоиться о метле”, - пробормотал Гарри. “Ты просто собираешься летать и побеждать, не так ли?”

“Но на нем твое имя”, - захныкала Габи после того, как он уклонился от ее попытки поцеловать его. “Я даже не хочу его царапать. Это твое.”

“Нет”, - поправил он. ”Это твое".

“Но что, если я его сломаю?” - запротестовала она. Он просто рассмеялся.

“Если ты сломаешь его, я дам тебе другой, который скоро будет у меня”, - ответил он. Она снова издала какой-то звук. “Или я куплю тебе еще один, твой собственный. Ты же знаешь, что я всегда забочусь о своих девочках, не так ли?”

“Да, сэр”, - мягко проворковала Габриэль. Гарри массировал ее задницу, все еще держа на ней одну руку.

”И ты будешь хорошей маленькой девочкой для меня и своих любовниц, не так ли?"

“Да, сэр”, - мяукнула она. “Я обещаю”.

“Так это значит, что ты не будешь беспокоиться о метле”, - усмехнулся он. “Ты просто убедишься, что летаешь быстро, и если нам понадобится новая метла, это просто означает, что ты была хорошей девочкой для меня и сделала все, что могла. Я всегда забочусь о хороших девочках, поэтому я с радостью вознагражу вас новой метлой, какой бы она ни была, и вы не произнесете ни слова жалобы.” Он продолжал гладить ее задницу. “Ты можешь просто поблагодарить меня этим милым маленьким телом, и тогда ты снова будешь летать быстро, понял?”

“О, да, сэр”, - простонала она. Очевидно, ей понравилась идея отблагодарить его своим телом.

“Это моя маленькая принцесса”, - сказал Гарри. Глаза Аполлины немного расширились, она никогда раньше не слышала, чтобы он употреблял это особое ласковое слово. Она покраснела от волнения за свою дочь, когда услышала это, сразу поняв, что будет на седьмом небе от счастья. Габриэль издала звук такого восторга от нового прозвища, и Аполлин вздрогнула, наблюдая, как Гарри целует ее дочь так, что у Габи заметно поджались пальцы на ногах. Аполлин вздрогнула, задаваясь вопросом, хватит ли у нее времени, чтобы пережить внезапный всплеск возбуждения с мужем, прежде чем они уедут, чтобы отвезти Габриэль в школу, но она еще не могла оторвать глаз, чтобы даже начать это делать.

“Итак”, - сказал Гарри, отстраняясь. “Давайте поговорим о самом важном из всех. Вы должны быть уверены, что никому не позволяете даже думать, что они могут ходить по вам, не говоря

уже о том, чтобы на самом деле позволить им это сделать. Понял?”

Габи заскулила, и ее мать знала, что это было потому, что она боролась с этой концепцией из-за ее недавно вспыхнувших склонностей к подчинению, а также из-за ее общего кроткого, доброго и всепрощающего поведения. “Я постараюсь, сэр”, - сказала она. Она ненавидела то, что позволила этому случиться, точно так же, как все в семье ненавидели смотреть или слышать об этом, но преодолеть этот инстинкт ей было бы трудно.

“Недостаточно хорошо, маленькая принцесса”, - сказал Гарри.

“Я постараюсь, сэр”, - снова заскулила Габи. “Я буду стараться изо всех сил, обещаю. Но я, возможно, не смогу делать это каждый раз без тебя или других, кто был бы рядом со мной.”

“Мы на месте”, - тихо сказал Гарри. Он коснулся ее воротника, который превращался в стильное колье, когда кто-нибудь, кто не знал, что это такое на самом деле, подходил ближе. В этот список входил и ее муж, хотя Аполлин не знала, как долго это продлится. На самом деле они даже не скрывали этого от него; это просто не всплыло.

Аполлин с улыбкой выскользнула из комнаты, в то время как Гарри продолжал работать над тем, чтобы заставить ее дочь согласиться на его требования, чтобы сделать себя счастливой. На это было странно смотреть, но в то же время очень, очень приятно. Она отправилась на поиски своего мужа, зная, что даже если Гарри не достигнет того, чего хотел, полностью, ее дочь все равно будет в лучших руках, какие только можно вообразить для вейлы с ее характером. Габриэль была бы очень, очень любимой и заботливой маленькой вейлой.

Она уже собиралась убрать воспоминание об этом трогательном моменте, чтобы показать его своему мужу, но перед этим покраснела, вспомнив состояние своей дочери и массивный член, толстый и твердый, как гранит, который торчал рядом с ней даже после того, как явно трахнул ее и уже наполнил. Она вздрогнула при мысли об этом и мысленно решила, что просто расскажет ему о самом моменте, не упоминая конкретных деталей или состояния раздевания. Эти более волнующие подробности она оставит при себе.

Или, может быть, она пошлет воспоминание трем подружкам Габи, подумала она с усмешкой. Они действительно заслуживали того, чтобы увидеть плоды своего доброго жеста прошлой ночью, и это могло бы также привлечь ее в его расположение. Она уже поняла, что именно он сказал Дафне, чтобы она больше не привлекала ее в краткосрочной перспективе, пока они не приспособят Габи к ее новой роли.

Это было неприятно, она не могла лгать. Он был таким великолепным любовником, действительно лучшим в мире, насколько она могла судить, и он пришел с тремя прекрасными ведьмами, которые тоже были очень талантливы сами по себе и хотели, чтобы она иногда присоединялась к ним для развлечения. И все же он отказал ей. Никто никогда не делал этого раньше.

--

Когда остальные ученики и их родители собрались вокруг них, ее мать и отец крепко обняли Габриэль в зоне прибытия Шармбатон. Она крепко обняла их обоих в ответ, желая, чтобы Гарри был там с ней. На одного студента было разрешено только два гостя. Это было то, что раньше никогда не было проблемой, так как только ее родители когда-либо сопровождали ее, но она очень хотела, чтобы Гарри был там, чтобы проводить ее сегодня.

Однако она изо всех сил старалась не показывать этого, не желая расстраивать своих

родителей или заставлять их чувствовать, что им там не рады. Конечно, она хотела, чтобы ее мать и отец были там с ней; она просто хотела, чтобы все трое были там с ней в это время.

“Продолжай”, - сказала ее мать, наконец выпустив ее из объятий и кивнув в сторону очереди, где прибывающих учеников проверяли на наличие запрещенных предметов. Она направилась к контрольной линии и последовала за вереницей учеников, входящих в школу, и она не забывала оглядеться и полюбоваться этим видом, когда она прибыла на свой последний семестр.

Она была примерно на полпути, когда услышала то, что, как она могла поклясться, было голосом Дафны. ”И куда, по-твоему, ты направляешься, маленькая вейла?" Хотя казалось гораздо более вероятным, что она просто слышала то, что хотела услышать, она с надеждой повернулась на голос, сердце бешено колотилось и болезненно колотилось в груди. Именно тогда она поняла, что ей не просто что-то послышалось, потому что там стояла Дафна. И дело было не только в ней. Гарри тоже был там, он стоял рядом с Дафной и улыбался прямо Габриэль.

Она подбежала и бросилась в распростертые объятия Дафны, с неподдельным восторгом принимая поцелуй Дафны на своих губах. Она чувствовала, что Дафна сдерживает себя и изо всех сил старается, чтобы это не превратилось в демонстрацию, слишком чрезмерную, чтобы происходить на публике.

“Стори и Сисса тоже очень хотели прийти, но у них обеих сегодня ранние встречи, которые они давно запланировали”, - сказала Дафна, когда их губы наконец оторвались друг от друга. “Вместо этого они придут к вам в среду”.

Габриэль улыбнулась. “Это прекрасно, даже когда вас здесь только двое”, - честно сказала она. Она повернулась к Гарри, который быстро положил руки ей на плечи, чтобы поднять ее. Она прильнула к нему, обвив руками его шею, а ногами так далеко вокруг его талии, насколько могла дотянуться, и замурлыкала, когда его руки нашли ее задницу. Он обнял ее за задницу и нежно поцеловал, отчего ей захотелось растаять и остаться в его объятиях навсегда. Это продолжалось не так уж долго, но она все еще сияла, когда он поставил ее обратно на ноги как раз в тот момент, когда ее родители догнали их. Ее мать заключила Дафну в объятия.

“Я говорил тебе, что у нас будут неприятности, если мы устроим сцену”, - игриво сказал Гарри Дафне. Габи на мгновение захотелось извиниться, потому что это была ее вина, но Гарри, должно быть, знал, о чем она думает, потому что он строго посмотрел на нее и покачал головой. Она покраснела от того, что он уже мог предвидеть ее реакцию.

“О да, это я устроила сцену”, - сказала Дафна, закатывая глаза. “Это определенно не ты, знаменитость, которой ты являешься, подошел, взял ее на руки и пощупал эту большую задницу”.

Гарри хихикнул. “Ну, я бы сказал, что поцелуй двух прекрасных ведьм более возбуждает всех наших вуайеристов”. Именно его слова заставили Габриэль оглянуться и полностью осознать, сколько людей стояло и наблюдало за ними. Что поразило ее больше всего, так это то, что это символизировало, что теперь она их девушка, открыто и публично. Это заменило тоску, которую она испытывала, ожидая этого момента, нервным восторгом. Наконец-то она была там, где должна была быть, и теперь об этом узнает весь мир.

Мадам Максим подошла к ним, бросив на них суровый взгляд, чтобы они были выставлены на всеобщее обозрение. Гарри был единственным человеком, которого Габриэль когда-либо

видела, которого совершенно не смутил подобный взгляд ее массивной директрисы, хотя она слышала, что Дамблдор тоже не был напуган ею. Это казалось естественным; в конце концов, Дамблдор был Дамблдором. Подумав об этом, она поняла, что подобное утверждение можно было бы с такой же легкостью применить и к ее учителю. В конце концов, он был Гарри Поттером, даже если было легко забыть, насколько он был силен и насколько люди уважали его, когда она видела, как он действовал наедине. Ей было интересно, что сказали бы люди, глазеющие на Мальчика-Который-Выжил, если бы узнали, что Габриэль много раз видела, как его ругали подружки.

Даже ее родители не были застрахованы от присутствия мадам Максим; они выглядели немного как первокурсники Шармбатона, ожидающие нагоняя. Флер, вероятно, выглядела бы почти так же, несмотря на то, что была любимицей Максима, когда была ее ученицей, и обычно уверенная в себе Дафна тоже отводила глаза от директрисы Шармбатон.

“Я действительно считаю, что ограничение по-прежнему составляет два гостя на одного студента”, - сказала мадам Максим по-английски с сильным акцентом.

Гарри усмехнулся и пожал плечами. “Это моя вина, директриса”, - сказал он. “Но ты можешь вернуться в свою школу на последний семестр только один раз, и я знаю, как мне понравилось в моем”.

Это вызвало фырканье у Дафны. “Это потому, что это был первый раз, когда ты сказал мне больше, чем несколько слов”. Габриэль склонила голову набок, не слыша этой истории. “Конечно, это было только после того, как ты сбил меня с ног, как скотину, но я уверен, что это все равно произвело на тебя положительное впечатление”.

“Ты тот, кто врезался в меня”, - сказал Гарри, закатывая глаза. “Это было не то, о чем я говорил, но теперь, когда ты упомянул об этом, воспоминания о том дне стали намного лучше”. Он протянул руку и откровенно сжал ее задницу, а Дафна шлепнула его по руке и фыркнула на него. Однако все они могли видеть восторг, пляшущий в ее глазах и разрушающий предостережение.

Мадам Максим все еще строго смотрела на Гарри, и он даже приподнял бровь, как будто провоцируя ее сказать что-то еще. Никто никогда не делал с ней ничего подобного в присутствии Габи, и она была ошеломлена его смелостью. Ее директриса наконец вздохнула.

“Минерва была права насчет тебя”, - сказала она. “Упрямый и безрассудный, как она и сказала”.

Гарри ухмыльнулся. “Я думаю, вы бы нашли больше, чем несколько человек, которые согласились бы с этим. Конечно, вы не ожидали ничего меньшего после того, как побывали в Хогвартсе на Турнире Трех Волшебников. Я имею в виду, что я действительно летал на своей метле, когда за мной по воздуху гнался огнедышащий дракон. А мне было 14 лет”.

Мадам Максим улыбнулась, но именно так Габриэль узнавала у учителей, когда они собирались добиться от своего ученика того, чего хотели. “Я слышала от Минервы, что ты согласился делать в Хогвартсе”, - сказала она.

Гарри застонал. “День из кошмара”, - пробормотал он. “Старой ведьме повезло, что я не хочу спать на диване”. Дафна ухмыльнулась ему и кивнула головой.

“Великолепно”, - сказал Максим. “Почему бы тебе не зайти ко мне в офис, как только Габриэль попрощается? Она может сопровождать вас. Я уверен, что она не будет возражать, и мне

действительно не нужно, чтобы ты разгуливал один и развращал моих учеников в школе, в которой действительно есть чувство приличия.”

“Ты называешь это приличием, я сам называю это высокомерием”, - сказал Гарри, закатывая глаза.

Максим закатила глаза прямо ему в ответ, прежде чем повернуться и пойти в свою школу. “Вы британец, так что я ожидал бы того же”.

Пока Габриэль прощалась со своими родителями, Дафна играла с Гарри. “О нет, дорогой, ты же знаешь, что мне сегодня нужно работать”, - сказала она. ”Я не приду тебе на помощь". Она усмехнулась и быстро чмокнула Габриэль в губы.

“Не дай ему попасть в беду, маленькая принцесса. Это все, что он когда-либо мог делать, когда учился в нашей школе, и я сомневаюсь, что это сильно изменилось только потому, что это не его школа, и он больше не ученик”. Она повернулась, чтобы уйти с родителями Габриэль, и оглянулась, чтобы помахать ей рукой. “Среда”, - сказала она. “Ты же знаешь, что мы ожидаем победы!”

Габриэль густо покраснела, и ее желудок сделал сальто от того, что Дафна каким-то образом уже подхватила новое ласкательное имя Гарри для нее. Она поспешно потащила Гарри за руку к сканированию предметов, и как только они закончили, она повела его в свою школу.

http://tl.rulate.ru/book/3342/79525